

О.С. Тамара Георгиевна, иркутские писатели моего поколения с любовью вспоминают вашего покойного мужа, яркого представителя литераторов 70–80-х годов прошлого века, когда писатели еще оставались баловнями партии, но уже не преследовались за инакомыслие и отступы от социалистического реализма. Характер у Глеба Иосифовича, прямо скажем, был не мягким и покладистым, но очень искренним даже в своей неправоте. Те, кто его близко знал, наверное, за это и уважали. На мой взгляд, иркутская писательская организация Союза писателей России с уходом Пакулова потеряла свой прежний дух, свою привлекательность. Но, каким он был в семье?

Тамара Георгиевна, легко ли быть женой писателя, даже в те времена, когда писательский труд хорошо оплачивался?

Т.Б. Если отвечать по порядку поставленных вопросов, то надо, Олег Васильевич, сказать — не все писатели были баловнями партии, а Глеб уже точно не из их числа. Конечно, в те времена государство заботилось о писателях не в пример нынешней России. Какая вам радость, что есть День писателя, а в реестре профессий нет профессии «писатель»?

Вы бывали в музее Валентина Распутина?

О.С. К сожалению, нет. Во мне еще слишком свежа память о нем живом.

Т.Б. Побывайте и посмотрите, какие у него были награды: и орден Трудового Красного Знамени, и Знак Почета, и Герой Труда — о нем можно сказать: баловень КПСС. Но ведь гимнов партии он не пел, его повести даже с большой натяжкой не соотносились с требованиями социалистического реализма. Впрочем, как и «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Доктрина соцреализма была надумана партийными функционерами, далекими от творческих организаций, а потому и не считалась обязательной в писательском творчестве.

Гонорары тоже были всякие. Безбедно жили те, что писали толстые производственные романы, либо были при должностях. Большинство писателей и тогда жили скромно.

*Я принёс тебе, родная, кучу денег,
Мы на них неделю будем жить.
С этих денег и на новый венчик
Ты, наверно, сможешь отложить.*

Так писал о своих гонорарах регулярно печатавшийся Пётр Реутский.

Приходилось подрабатывать — сторож, дворник, кочегар — были самыми распространенными писательскими профессиями.

Легко ли быть женой писателя? Думаю, терпимо, если заранее поймёшь, куда голову засунул, приготовишь себя к его «ничего неделанию», обычному для большинства писателей. Нет, есть, конечно, и те, что не могут прожить «ни дня без строчки», но Глеб был из других.

Ну, а если серьезно, то надо понимать знаменитое писательское «ничегонеделанье», лежание на диване с книжкой или без нее, как напряженную умственную работу, может быть, самый важный этап в процессе творчества. У Глеба были большие, признаюсь, раздражающе большие интервалы в работе. Но я никогда не позволяла себе упрекать его в этом. Поскольку сама я — научный работник и постоянно работаю с книгой, то когда мне попадались нужные ему, с моей точки зрения, статьи, книги, я ненавязчиво подкидывала их мужу, ни к чему не принуждая. В том, наверное, и есть секрет нашей сорокалетней совместной жизни. Я думаю, Глебу очень помог в работе над «Гарью» мой исследовательский опыт: я посоветовала ему завести ящичек-каталог с рубриками — события, персоналии (Пашков, Ртищев, Никон и т.д.), службы (их значение и смысл), праздники, одежда, вооружение и т.д.

Да, это правда, я не только от вас, Олег Васильевич, слышала, что Иркутская писательская организация с его уходом, как вы говорите, «потеряла свою духовную привлекательность». Видимо, Глеб Пакулов был не только самобытным писателем, но и самобытным человеком. Тем и запомнился близким людям.

Я много работала (мой рабочий стаж пятьдесят четыре года!), жили, конечно, трудновато, особенно до защиты мною диссертации, но помогало и то, что Глеб был мастер на все руки, дом и кухня были его заботой. То же самое было в семье нашего соседа писателя Бориса Лапина, который говорил, что его жена давно забыла дорогу на кухню.

О.С. То есть вы содержали семью, поскольку гонорары мужа были не частыми, кроме того, деликатно помогали ему подбором материала. А как критик и искусствовед, всегда ли вы восхищались произведениями мужа, или были критиком и в семье? Как Глеб относился к критическим замечаниям жены?

Т.Б. Домашний критик? Это, по-моему, уж слишком. Глеб был чуток к слову, и если я что-то подсказывала, то чаще по смыслу. Иногда мне что-то не нравилось, не без того. Но я не считала себя человеком, который уверен в своих суждениях. Есть такие рецензенты, которые могут безапелляционно сказать — это плохо, это не то. Мы не всегда понимаем общий замысел художника, мы можем только, на свой страх и риск, что-то интерпретировать.

Совсем сырую рукопись я не читала. Она попадала ко мне уже после рукописной и дважды отпечатанной им самим на машинке. Он очень любил править, делать, как говорил, «точнее». Вот этот текст я и должна была печатать на компьютере, с которым он так никогда и не подружился. Иногда он просил править компьютерный текст.

Глеб мне доверял. Помню — хотел написать роман о Никоне, но понимал, что на это не хватит жизни, и ограничился главой в новом издании «Гари». Я прочитала начало главы и говорю ему: «А что это так сразу, без интриги, сидит на камне Никон? Может быть, просто старик?» Глеб сначала не согласился: «Почему старик, если это Никон?» Но через какое-то время, при очередной редактуре, гляжу — текст исправлен: все-таки «старик».

О.С. Вы говорите об идеальных условиях для писательской работы. Но среди известных мне писателей немало работников другого типа, которые пишут каждый день, выжимая из себя определенное количество страниц, строк. Ярким примером был Алексей Толстой, который работал каждый день, и даже с великого похмелья, обвязав голову мокрым полотенцем, делал свой план в социалистическом соревновании с самим собой. Причем, таких писателей не всегда понимает семья:

«Что лежишь?» «Думаю!» «А почему всхрапываешь?» Или «Ты мне уже снишься с затылком вместо лица».

Но у многих великих писателей все-таки были еще более великие писательские жены. Дарование писательской жены встречается в жизни, пожалуй, куда как реже, чем писательское. Из нашей беседы я понял, что вы еще и распечатывали рукописи мужа, Тамара Георгиевна, я думаю, что вы были гениальной писательской женой. В этом плане Глебу Иосифовичу мог бы позавидовать и великий Лев Толстой.

Т.Б. Я думаю, если бы было в мире больше гениальных писателей, то за «гениальными жёнами» дело бы не стало. Возможно, если бы рядом с Глебом была женщина, которая позволяла бы себе расслабляться, где надо и не надо, он мог бы и не сделать того, что сделал. А Льву Толстому что завидовать — у великого писателя были великие завихрения, которые Софья Андреевна с честью выдерживала. По-моему, здесь многое определяется окраской таланта. Не всем из них жёны были нужны.

О.С. Ко всему тому, вы не только искусствовед, критик, но и хороший литератор. Помню, ваша статья о кончине Александра Вампилова, опубликованная в журнале «Сибирь», произвела на меня большое впечатление. Затрудняюсь определить жанр той работы, скорее это повесть: в ней очень яркие образы, картины природы, глубокая психология, эзотерика, под стать повестям Глеба Иосифовича. В моей памяти остались многие картины произведения. Хорошо запомнилась описанная вами ночь перед трагедией, черная вода Ангары, лунная дорожка, на которой из глубин реки появляется топляк — дурной предвестник. Ярко описаны вампиловский азиатский профиль со скошенным лбом, и ощущение надвигавшейся беды.

Ваш брак с Глебом Иосифовичем был браком равных или браком творческих соперников? Или вы, все-таки, были локомотивом творчества Глеба Пакулова? А может быть, в семье кто-то у кого-то учился?

Т.Б. «Тот вечер, та ночь» — я не задумывалась о жанре той работы. Она была написана, как говорится, «в один дых», за одну ночь. Что-то меня тогда задело. Видно все это долго бродило и зрело во мне. Наверное, поэтому мои воспоминания и отличаются от большинства воспоминаний о Вампилове, необязательных, написанных по случаю, либо вовсе из желания быть хоть с какого-то боку причастным к судьбе драматурга.

Что касается творчества — мы были людьми совершенно разными и по характеру, и по роду деятельности. Я — педагог, и писательских амбиций никогда не имела. Каждый в семье занимался своим делом. И если прослеживается что-то общее в моих статьях и повестях Пакулова, то мы ведь прожили вместе более срока лет. Я думаю, наш брак был браком равных.

Кто у кого учился? Я думаю, все учатся у жизни. Писателям нужно много читать, наблюдать жизнь, уметь слушать и слышать потрясающую русскую народную речь. Глеб, как и я, отдав в молодости дань модным, вдруг пришедшим к нам Хемингуэям, Сэлинджерам и Сартрам, читал в основном русских писателей, любил Лескова, Пришвина, Мельникова-Печерского, Ивана Шмелёва и др.

О.С. Тамара Георгиевна! Ваш муж очень долго работал над своим последним романом «Гарь», как вы думаете, а могла ли такая книга появиться в благополучное для писателей доперестроечное время? В давние восьмидесятые годы, когда

работал в республиканском книжном издательстве, мне приходилось по требованию цензуры расписываться на полях рукописей за слова сниженной лексики, особенно строго «главлит» следил за словом «бог», даже в качестве междометия, его сотрудники считали, сколько раз это слово употреблено в произведении, заставляли сокращать. А в «Гари», несмотря на «классовые противоречия», которые так любил соцреализм, описываются церковные службы, их значение, обрядность и многое, что, на мой взгляд, могло покоробить убеждения и чувства тогдашних бюрократов.

Т.Б. Могла ли быть напечатана «Гарь» в доперестроечное время? Наверное, в том виде, в каком появилась в двухтысячные, не могла. Ещё и сейчас замалчивают гениального Аввакума из соображений, не имеющих к русской словесности никакого отношения. А вкуса к сниженной лексике в творчестве, в отличие от быта, у Глеба никогда не было. И кого сейчас могут покоробить церковные службы — мы видим на них и нашу государственную верхушку. Всё меняется. Возможно, и к расколу, нашей духовной трагедии, будут возвращаться и возвращаться. И видеть всё по-другому.

О.С. Глеб Иосифович пришел в литературу в середине семидесятых годов, когда появились идеологические послабления, стали выходить замалчиваемые прежде произведения русских и зарубежных писателей. Помню, что уже в преклонном возрасте он с неприязнью вспоминал, как его принудили оставить в живых главного героя повести «Расписка». Позже он напечатал ее в первоизданном виде, но исправил только концовку.

Пакулов по жизни был бунтарем и революционером, в литературе, по-моему, тоже стремился изобразить жизненную правду. И все же, основной текст остался прежним. Мне, работавшему в геологии, понятно, что происходило в партии в местах повышенной радиации. Начальник партии был отправлен туда без выбора: или работа, или партбилет на стол. Он с инженерами попивал спирт при окладах, рабочие, оставшиеся без работы и зарплаты, получали облучение бесплатно, им начальство и брагу не позволяло пить. Но, при всей правдивости повести, красочности описаний, изяществе диалогов, главной проблемы в ней нет.

То же самое, как мне представляется, прослеживается в повести «Останцы». Если бы автор пояснил причину ненависти отрицательного героя к своим землякам тем, что он отбыл в лагерях «десятку», как побывавший в плену, то конфликт был бы более понятен. Но Глеб Иосифович не отредактировал повести и тогда, когда это было можно сделать. И мне интересно, это его авторское нежелание возвращаться к прежним работам, или опасение, что повторную редактуру примут за конъюнктурную? Или, все-таки, у довоенного поколения писателей был еще силен самоцензор?

Т.Б. Не был Пакулов ни бунтарём, ни революционером. По жизни он был, это правда, громкоживущим человеком, и все, и вы, Олег Васильевич, это знаете. А в творчестве, скорее, традиционалистом, и заботился о правде, как он её понимал. «Останцы» писались, когда цензура уже не лютовала. Скорей всего Глеб писал о той действительной ситуации так, как о ней рассудили сами молчановцы. И никакой «ненависти отрицательного героя к своим землякам» автор не усмотрел, как и неприязни жителей посёлка ни к Степану, ни к Михаилу. Все понимали, что хоть и по-разному, но одинаково страшно война для них закончилась. И нет здесь виноватых.

Я думаю, цензор, писательская самоцензура должны быть и в самые свободные идеологические времена. Дело не в том, что автор боится властных окликов,

а в том, что есть жизненная правда, и есть правда божья. Она же и художественная. С точки зрения жизненной правды — зачем погибла Настёна у Распутина? Кстати, Астафьев говорил ему об этом. С житейской точки зрения, зачем автор губить хорошую женщину, да еще с ребенком? Мне кажется в том страшном конце, который судил ей Распутин, есть некая высшая правда. Автор считал, что предательство — смертный грех, который будет передаваться из рода в род. Жить с этим нельзя.

Насчет повести «Расписка». Да, пришлось пойти на компромисс ради напечатания повести, позже вернуть прежнюю концовку, не меняя больше ничего. Вы, Олег Васильевич, говорите, что главной проблемы в повести нет. Вы просто имеете своё представление о том, что должно быть в повести главным и исходите из собственного геологического опыта. У Глеба был другой опыт. Насколько я помню из рассказов Глеба, спирт у инженеров кончался скоро, а вот брага у работяг была всегда. Да и не о «классовых» конфликтах там речь. Это повесть о людях, которые, попав в экстремальные условия, сумели сохранить человеческое достоинство, профессиональную, если хотите, честь, а также о тех, кто потерял себя, не выдержав обычных капризов сибирской природы.

О.С. Так сложилась судьба, что вы всегда были в центре литературных событий Иркутска, встречались и близко знали самых известных писателей Сибири и Советского Союза. С кем из них у Глеба Иосифовича были наиболее близкие отношения? Кого-нибудь из них он считал своим учителем, или был самостоятельным, самодостаточным, умея при этом искренне восхищаться талантами и талантливыми произведениями?

Т.Б. Глеб жил и формировался в другое время. Писателей было мало. Все жили дружно, скученно, знали, кто над чем работает. Тогда писательская организация мыслилась как школа, было принято читать друг друга, устраивать чтения и обсуждения, помогать молодым. Это сейчас только в вашей организации восемьдесят писателей, не все даже знают друг друга в лицо, не говоря о творчестве. Недаром Глеб перед смертью просил меня не указывать на памятнике его принадлежность к писательскому цеху. Это стыдно, сказал. Я его послушалась.

Можно прочесть в воспоминаниях Геннадия Машкина, как иркутские писатели того времени собирались на квартире Пакулова и сочиняли пьесу о Васье Хряке. Конечно, это был молодежный балдёж, но еще и учеба. В те времена в писательской организации были люди, не преуспевшие в творчестве, но высокообразованные, с задатками редакторов и критиков, например Г. Кинжалов, не говоря уже о Г. Гайде.

В воспоминаниях Машкина есть описание, как они читали «Утиную охоту» Вампилова, и Глеб тоже забавно это вспоминал: «Саня закончил читать “Утиную охоту”, а мы молчим: то ли не поняли, что это конец, то ли ошеломила непривычная тема, понимали, что такой пьесе постановка не светит. Мы молчим ещё и потому, что она, на наш взгляд, не окончена. Не совсем поняли — будет Зилов жить или нет? Саня помолчал, потом пришел нам на помощь, выдохнув: “Занавес!”

А были у Глеба тот или те, которых он мог бы назвать «Учитель»? Вряд ли. Не всем везёт.

Конечно, все они учились друг у друга, много читали. В те годы появилось в печати много ярких произведений наших и зарубежных писателей. Глеб следил за творчеством не только ближайших друзей. У него было безошибочное чутьё на талант. Кроме Распутина, он читал и высоко ценил Валентину Сидоренко, Альберта

Гурулева, Евгения Суворова, позже Байбородина, с которым дружил. Следил и за вашими, Олег Васильевич, романами, может быть и с некоторым пристрастием, поскольку вы тоже исторический писатель.

Тогдашние писатели умели радоваться успехам друг друга. Когда Глеб прочитал «Прощание с Матерой», помню, он сказал: «Все, Валентину уже и умирать не страшно»...

О.С. В каждом творце есть тайна. Глеб Пакулов начинал свой творческий путь с живописи и получил образование художника. На мой взгляд, это очень чувствуется в его повестях, он и в прозе оставался художником, создавая очень зримые образы. Мне этого всегда не хватало, и я пытался учиться у него с помощью компьютера: убирал прямую речь и действие, оставляя описания, но так и не понял, как он добивался такой образности. Видимо, препарировать художника невозможно.

Но в наше время театр и кино оставляют за собой право на свой взгляд, и зачастую просто переделывают писателя так, что это уже и не он. Я говорю о фильме «Ведьмин ключ». Фамилия Пакулова в титрах присутствует, но Пакулова в сценарии нет, использован всего лишь один эпизод повести, все остальное — жалкое и неумелое подражание Голливуду. Но попутно с фильмом была издана книга повестей с иллюстрациями из фильма.

Помогают ли подобные инсценировки увеличению тиража, рекламе творчества писателя, или наоборот, отторгают читателя от подлинника?

Т.Б. «Беглецы» — это фильм по поводу повести «Ведьмин ключ». Глеб его не видел. Зачем повесть использовали? Вероятно, это был какой-то только им понятный маркетинговый ход. Сам куратор писал по этому поводу: «Сценаристы прошлись по произведению довольно смело, убив при этом его художественную суть...»

Фильм «Беглецы» предназначался для подростков, для молодёжи, заикленной на так называемых «истернах». Вот они и сделали стрелялки и гонялки по красивой восточно-казахстанской природе. Кроме того, создатели «истерна» пригласили известных актёров, рассчитывая, вероятно, что и это сработает на успех. Фильм даже отхватил два приза; один где-то в Африке, а другой на задворках Европы. Не думаю, что «Беглецы» помогли заинтересовать читателей прозой Пакулова. «Ведьмин ключ» — психологически сложная повесть, она вовсе не для тинейджеров.

О.С. Умершие иркутские писатели: Станислав Китайский, Евгений Суворов, Глеб Пакулов, Валентин Распутин — по порядку их ухода — и другие писатели довоенных лет рождения сохраняли в своем творчестве школу русской литературной изящной словесности XIX, начала XX веков. У каждого была своя точка или шкала, где соединяются меры: как написано, о чем написано и для чего? Для кого это понятней.

С этих позиций два романа Глеба Пакулова: «Варвары» и «Гарь» по стилю и содержанию написаны настолько по-разному, будто работа сделана разными людьми. Это следствие творческого взросления, или погружения в исходный материал: прекрасно владея литературным языком, ваш муж писал о протопопе Аввакуме не языком «Жития протопопы Аввакума, им самим писанного», а стилизованным церковно-славянским. Работал он над этим романом долго, и считал его лучшим своим произведением.

По содержанию вопросов нет, но как вы расцениваете форму романа, стиль письма? Посильна ли эта книга для современного массового читателя, в большей степени поглощающего информацию, чем наслаждающегося чтением?

Т.Б. Мне говорили о том, что произведения Пакулова написаны по-разному. Но это особый почерк и его принципиальная позиция. При этом во всех произведениях Глеба я чувствую его руку, его взволнованность, цветистость, иногда, может быть, и избыточную — он ведь по первому образованию живописец (ещё зримость, визуальность его слова особенно видна в его поэзии). Да, он всё писал по-разному и считал, что каждая тема требует своей лексики. «Расписка» писалась в те времена, когда все были увлечены Хемингуэем, разговаривая, ерничали под него. «Глубинка» — это ностальгические воспоминания о детстве, и язык соответствующий. «Варвары» писались для молодёжи, это приключенческий роман на историческом материале. Автор считал важным донести до читателя, особенно молодого, свои представления о любви, верности и предательстве, об искусстве, о судьбе художника во все времена. Естественно, роман написан современным, понятным читателю языком.

Трудней всего было с «Гарью». Писать книгу современным языком — значит утратить время. Стилизовать под «протопопа Аввакума» — утратить читателя. Мария Авакумова назвала язык «Гари» волшебным, а это может означать, что Пакулов сумел нащупать золотую середину между современным языком и языком четырехсотлетней давности.

Вы, наверное, заметили, что и внутри романа язык разный: с книжником Крижаничем Аввакум разговаривает языком, близким к литературному того времени, а с сатаной говорит современным языком. Потому что сатана — персонаж вне времени. А Марковна? Кто знает, как она говорила на самом деле. У Пакулова она как бы поёт. А в речи царя Алексея Михайловича, даже когда он говорит вещи обычные, чувствуется некоторая «державность». Пакулов тщательно работал над языком. Пожалуй, это было самое трудное в его писательском деле.

Меня, как и вас, Олег Васильевич, как и Пакулова, тоже занимает вопрос: а надо ли при написании романов, повестей, стихов так уж заботиться о массовом читателе? У нас тьма пишущих, которые только этим и озабочены. Вы уж, пожалуйста, им эту заботу и оставьте.

1 января 2020 года Глебу Пакулову исполнилось бы 90 лет. В этом же году исполняется 400 лет великому писателю и великому гражданину России протопопу Аввакуму. Не знаю, будет ли отмечать эту дату наше государство. Может, вспомнят, что «Житие» — книга семейного чтения Льва Толстого, Тургенев всегда возил ее с собой, а Алексей Толстой признавался, что при написании романа о Петре не раз перечитывал «Житие». Аввакум — первый писатель России, посетивший Сибирь, он проплывал мимо строящегося Иркутска и видел начало нашего города. Это великий из великих, его «Житие» изучают институты всего мира, «ЮНЕСКО» включило его в список всемирного культурного наследия. Протопопу Аввакуму поставить бы памятник в первую очередь, а не Сперанскому, который пробыл в Иркутске полгода и очень плохо о нем отозвался.

О.С. Возвращаюсь к тому, что вы знали очень многих видных писателей прошлого века и теперь имеете возможность оценить их с позиций нынешнего века. На ваш взгляд, из чего возникают или складываются слава, известность, популярность? В основе этого лежит читательский спрос, общественная деятельность или личное обаяние, как сейчас говорят, харизматичность личности?

Т.Б. Складывается из всего того, что вы перечислили. Но мне кажется, в этом есть своя иерархия. Общественная деятельность — да, важна, особенно для возможности публикаций. Ловко закрученная интрига, «жареные факты», злободнев-

ность — могут обеспечить популярность роману, повести. (Злободневность темы может быть даже и полезной, но числиться должна всё-таки по другому, отнюдь не литературному, ведомству.) Харизматичность тоже многого стоит, но она работает, пока живут их носители или, по крайней мере, люди, окружавшие харизматика. Здесь я считаю классическим примером Александра Вампилова. И все-таки, для устойчивой, нарастающей со временем славы нужен талант и, прежде всего, талант. Время будет отбирать произведения и их авторов именно по этому признаку.

Те или иные события уходят, вспоминаются все реже и даже забываются. Всякое произведение искусства сопрягает в себе «Что?» и «Как?» В любом произведении со временем взаимосвязь содержания и формы изменяется. «Как» — т.е. форма, мера художественности, становится много важнее. Конечно, она не может быть отделена от содержания: и всё-таки именно «как» всегда будет определять весомость «что». Я в этом убеждена. Сюжет не спасёт. К примеру, любовный треугольник кочует из века в век, из романа в роман, но «Анна Каренина» — одна.

О.С. Тамара Георгиевна! Вы были знакомы со многими видными писателями, были свидетелем многих событий. На ваш взгляд, насколько соответствует образ подлинного Вампилова образу, созданному в фильме «Облепиховое лето»?

Т.Б. В моей памяти образ Александра Вампилова не имеет ничего общего с образом, созданным в фильме. В фильме много откровенной лжи. Дело вовсе не в том, что Мерзликин внешне нисколько на Вампилова не похож, враньё в том, что, как нас пытаются уверить создатели фильма, Вампилов вырос не в иркутской писательской среде, а среди московских диссидентов. Я уже не говорю о мелочах: не в той лодке сидели, не тот был за рулем. В фильме нет никаких намеков на творчество Вампилова, создаётся впечатление, что авторы не читали его пьес, не заглянули в его записные книжки. У них он, бедный, работает-работает, а его не печатают. Это неправда. Его и печатали, и ставили при жизни.

О Распутине в фильме нет ни слова даже за кадром, хотя творчески они были очень связаны. Это была своеобразная творческая спайка, дружба-соперничество, вполне плодотворное для обоих. Я думаю, этот фильм не стоит разговора о нём, никакого отношения к Вампилову он не имеет. Тема оказалась не по зубам создателям фильма.

О.С. Если бы это был единичный случай, случайность, ошибка. Я уже не распространяюсь про историю Сибири, России, Иркутска, улицы которого носят названия политических интриганов и террористов, но ведь, будто умышленно кто-то создает антиобразы и антиисторию: возвеличиваются интриганы и подлецы, замалчиваются подлинные герои, меняется их облик. На всякую знаменитость, как вороны на тухляк, бросаются киношники, писатели, драматурги, художники и делают с ним все, что вздумается, оправдываясь своим творческим видением. Затем подлинное подменяется вымышленным. И кто-то за все это им платит, куда как весомей, чем за романы.

Тамара Георгиевна, что вы думаете по этому поводу с высоты вашего богатого жизненного опыта?

Т.Б. Ничего нового здесь нет — так было, так будет. А за романы сейчас кто платит? За хорошие? Это не рентабельно. Спасибо, что печатают. Целые команды «донцовых» и другие команды, ещё ниже качеством, производят «что-то». Все работают на массового потребителя, и так будет всегда, если государство не возьмётся за культуру. Культура — не генетическая память народа о себе и она не наследуется биологически, она исторически сохраняется и возвращается, т.е.

культивируется, возделывается живущим поколением людей и передаётся следующим. Без воли государства ничего этого происходить не может. Подлецы будут ходить в героях, а графоманы в классиках.

Что за эти тридцать лет сделало наше государство, чтобы воспитать культурного читателя, зрителя? Мы потеряли не одно поколение читателей, понимающих толк в художественной литературе, поэзии, живописи. А потому надо учиться самостоятельно, отыскивать в куче культуropодобного хлама то, что имеет отношение к искусству.

О.С. Как искусствовед и критик, вы не пытались обобщить Иркутскую литературу второй половины прошлого века, из каких истоков она питалась, что хотела донести читателям в целом? Каков был ее вектор?

И если следите за прозой, поэзией и драматургией уже далеко не молодых литераторов послевоенного поколения и моложе, насколько они последовательны творчеству ушедших иркутских писателей?

Т.Б. Вообще-то, литература — не моя специальность. Но мне, как просто читателю, кажется, что сохраняя некоторые региональные черты, связанные со своеобразием сибирской природы, сибирского характера, иркутская литература развивалась в русле всех магистральных течений русской литературы. Так будет и впредь. Конечно, новое время — новые песни. И всё лучшее, как всегда, появится лишь на основе корневой, предками завещанной, веками проверенной на прочность великой русской культуры. В том числе и литературы.